

Кочеров Сергей Николаевич
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики – Нижний Новгород
профессор кафедры социально-гуманитарных наук
Kocherov Sergey Nikolayevich
National research University
Higher school of Economics – Nizhny Novgorod
PhD, professor of the Department of Social Sciences and Humanities
E-Mail: kocherov@yandex.ru
УДК – 173.2

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ. ЛЮБОВЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация: В средневековье любовь развивалась под сильным влиянием религиозной веры и сословного деления общества. В рыцарской культуре она впервые предстала как гармония половой страсти и духовного союза мужчины и женщины, имеющей большое воспитательное значение для развития их личности. Но в силу особенностей средневекового общества такая любовь была возможна чаще вне брака, почему она и выступала силой, скорее разрушающей брачно-семейные отношения, чем скрепляющей их.

Ключевые слова: любовь, брак, семья, отношение к женщине в христианстве и исламе, рыцарская культура, мораль крестьянской общины.

THE HISTORY OF LOVE. LOVE IN THE MIDDLE AGES

Abstract: The Middle Ages saw love developing under significant influence of the religious belief and the estates of the realm system. It was the culture of chivalry that introduced love as a harmony of a sexual desire and a spiritual union of man and woman, being of considerable educative importance for the development of their personalities. However, due to the peculiarities of the medieval society, such love was possible mostly in non-marital relationship, thus acting as a power that rather destroyed marital and family relations than strengthened them.

Key words: love, marriage, family, attitudes towards women in Christianity and Islam, the knights' culture, the morality of the peasant community.

Прежде чем приступить к анализу любви в Средние века, следует отметить характерные особенности сознания средневекового общества. Во-первых, оно было проникнуто религиозным духом и осмысляло задание человека как спасение чистоты своей души в борьбе с соблазнами греховной плоти. Такое понимание человеческой жизни представляло все ее важные аспекты, включая отношения между полами, в контексте связи человека с Богом. Во-вторых, «чувство неуверенности – вот что влияло на умы и души людей Средневековья и определяло их поведение» [1, с. 302]. Ответом на эту тревожность могло быть как желание приобщиться к «жизни святой» (через монашество, укрощение плоти, участие в войнах за веру), так и стремление к переживанию радостей жизни «здесь и сейчас». В-третьих, данное общество, в своем развитом виде, воспринимало себя трехчастным телом, органическим единством сословий *молящихся, воюющих, работающих* (*oratores, bellatores, laboratores*). Представители каждого сословия имели общие род занятий и интересы, образ и смысл жизни, что побуждало их к общению с членами своего «мира» и неучастию в жизнедеятельности людей из других «миров».

Любовь в раннем христианстве

Большое влияние на развитие любви оказало христианство, которое даже называет себя «религией любви». Любовь, наряду с верой и надеждой, провозглашается в нем божественной ценностью. Правда, сам Иисус Христос предпочитал говорить о любви преимущественно в моральном аспекте, хотя и признавал естественность влечения полов друг к другу. Он исходил из той истины, что «оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Марк, 10: 6-9). Поэтому Христос осуждал развод, ибо «всякий разводящийся с женою своею и женящийся на другой прелюбодействует; и всякий женящийся на разведенной с мужем прелюбодействует» (Лука, 16, 18). Принимая институт брака, он, тем не менее, предлагал человеку, ищущему Царства Небесного, воздержание от половых отношений, хотя признавал, что «не все вмещают слово сие, но кому дано» (Матфей, 19: 11). Однако Христос не проявлял ни нетерпимости к человеческим слабостям, ни недоброжелательства к женщинам, что ясно следует из его слов, сказанных прелюбодейке, спасенной им от побития камнями: «...Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Иоанн, 8: 11).

Двойственное отношение к любви, представленное в «Евангелиях», было развито апостолом Павлом. С одной стороны, ему принадлежит одна из лучших речей, произнесенных во славу любви. «Если я говорю языками

человеческими и ангельскими, – проповедует апостол, – а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы» (I-е коринф. 13: 1-8). С другой стороны, апостол утверждает: «...Хорошо человеку не касаться женщины. Но, *в избежание* блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа» (I-е коринф. 7: 1-2). Павел, как и некоторые святые раннего христианства, будучи сторонником безбрачия, т.е. полного отказа от половых отношений, допускал последние для мирян как необходимое условие деторождения в браке, освященном церковью. В то же время он выступал с идеей жесткой иерархии в отношениях между полами, отсутствующей в учении самого Христа, в евангельский период жизни которого мать играла более важную роль, чем его «земной отец» Иосиф. «...Всякому мужу глава Христос, – поучает апостол, – жене глава – муж, а Христу глава – Бог. ...Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа» (I-е коринф. 11: 3, 8-9).

Раннее христианство, несомненно, повысило место и роль женщины в обществе, воспринимало ее как личность, но до признания ее равенства с мужчиной было очень далеко. Женщина, на словах объявляемая «сестрой во Христе», на деле остается служанкой мужчины. Более того, как носительница первородного греха, наследница Евы, которая ввела в соблазн Адама, она считается более «нечистым» существом, чем мужчина. «Это ты, – обличал ее Тертуллиан, – создала вход для дьявола, ты сломала печать с того дерева и ты же обманула того, к кому не смог приблизиться дьявол! Так легко ты низвергнула мужчину, образ и подобие Бога. Ради твоей вины, должен был умереть также Сын Божий». Святой Антоний утверждал, что женщина «глава преступления, рука дьявола. Когда ты видишь женщину, то знай, что перед тобой не человек, не дикий зверь, а дьявол самолично» [2, с. 83]. Одним из проявлений женоненавистнических настроений в церкви было то, что на Маконском соборе (585 г.) «поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком» [3, с. 230]. В этой связи интересна эволюция в западном христианстве образа Марии Магдалины, которая из ученицы Христа, удостоенной чести первой увидеть Спасителя после его воскресения, превращается в следующую за ним раскаявшуюся блудницу.

Таким образом, христианство, с одной стороны, возвысило понимание любви до ее осмысления как духовной связи личностей, восходящих в своем единении к Богу. С другой стороны, оно принизило чувственно-телесную основу любви, не видя в ней различия между чувственной радостью человека

и «скотским наслаждением». Возможно, такое отношение к любви связано с присущим этой религии убеждением, что любовь человека к ближнему является проекцией его любви к Богу и не должна оскверняться внесением в нее плотского начала.

Любовь на арабском Востоке

Отношение к любви между полами в странах Ближнего и Среднего Востока было обусловлено религией ислама, возникшей в начале VII века у арабских племен, населявших Аравийский полуостров. В Коране уделяется значительное внимание отношениям между полами, а сура 4 этой книги, священной для мусульман, называется «Женщины». Коран предписывает мужчинам заботиться о женщинах – матерях, сестрах, женах, дочерях и племянницах – и проявлять в отношении к ним справедливость. «Не разрешается вам, – говорит пророк Мухаммед мусульманам, – наследовать женам по принуждению. И не препятствуйте им уносить часть того, что вы им даровали, разве что они совершат мерзость очевидную. Обходитесь с ними достойно. Если же вы их ненавидите, то, может быть, что-либо вам и ненавистно, а Аллах устроил в этом великое благо» (4: 23(19)).

Вместе с тем в Коране не подлежит сомнению, что мужчины имеют власть над женщинами. «Мужья стоят над женами, – говорится в этой книге, – за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества. И порядочные женщины благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них...» (4: 38(34)). С идеей превосходства мужского пола связано дозволение пророка мужчинам жениться на двух, трех и четырех женщинах, при условии, что они могут их обеспечить. Понятно, что о том, чтобы разрешить состоятельным женщинам иметь нескольких мужей, не могло быть и речи. В отдельных местах признается, хотя и в более слабой форме, чем в христианстве, связь женского начала с врагом рода человеческого: «А кто придает Аллаху сотоварищей, тот заблудился далеким заблуждением. Они призывают помимо Него только женский пол; они призывают только сатану, отступника» (4: 116-117).

Специфичным здесь является то, что должное отношение мужчины к женщине в Коране показывается через призму имущественных отношений, весьма тщательно прописанных. При этом, по мнению некоторых ученых, как в Коране, так и в шариате (свод предписаний ислама) реальная забота о защите имущественных прав женщины сочетается с невысокой оценкой ее

как личности. Так В.В. Бартольд признавая, что «имущественные права женщины обеспечены шариатом в большей степени, чем многими европейскими сводами законов», утверждал, что, «женщина при исламе с самого начала оказалась в более приниженном положении по отношению к мужчине, чем была раньше» [4; с. 128]. Он ссылается, например, на то, что, когда Мухаммед в 630 г. вступил в Мекку во главе войска мусульман, он принял в народном собрании присягу сначала от мужчин, а потом от женщин. Эта женская присяга стала чуть ли не единственным в истории ислама примером массового участия женщин в общественной жизни.

В первый век ислама женщины еще могли выступать с общественно значимой инициативой. Так, после убийства халифа Османа вдова пророка Аиша выступила против нового халифа Али и призвала жителей своего города либо воевать с ним, либо остаться в своих домах. Горожане сказали на это: «Пророк велел мужчинам сражаться, а женщинам сидеть дома; она делает то, что пророк велел нам, и велит нам делать то, что пророк велел ей» [4; с. 128]. В средние века происходило постепенное ограничение права женщин ходить наравне с мужчинами в мечети. «Когда явилось стремление лишить женщин права участия в общественном богослужении, – пишет В.В. Бартольд, – даже богословы видели в этом стремлении недопустимое новшество; тем не менее, оно везде одержало верх» [4; с. 129]. Одновременно понижалась и степень свободы женщины в ее частной жизни.

Такое изменение положение женщины было во многом связано с арабским завоеванием Ирана (652 г.), которое оказало двойственное влияние на арабскую культуру в целом и на отношения между полами в частности. С одной стороны, заимствование у иранцев гаремного быта, пришедшего на смену арабским родовым обычаям, по существу, ограничило женской половиной дома «жизненный мир» мусульманской женщины. С другой стороны, знакомство с богатыми культурными традициями покоренной ими Персии значительно расширило духовный кругозор арабских завоевателей. Благодаря синтезу двух восточных традиций появилась целая плеяда выдающихся поэтов мусульманского Востока, создавших возвышенные и чувственные, страстные и нежные, веселые и печальные стихи о любви. Арабо-персидская поэзия донесла до нас образы страстных влюбленных – Фархада и Ширин, Лейлы и Меджнуна, – которые оказали опосредованное влияние на любовную рыцарскую поэзию Западной Европы [5; с. 93]. При этом в арабско-персидской поэзии, как и в поэзии менестрелей и трубадуров, женщина ставилась на ту высоту, которой она не обладала в прозе жизни.

Любовь у европейского рыцарства

В XII-XIII веках в Европе возникает новое отношение к любви и понимание этого чувства. Его родиной стала Франция, а если точнее, область на юго-востоке этой страны – Прованс. Здесь южная знать, более чуткая к веяниям времени, чем северное дворянство, под влиянием искусства античности, воззрений арабского Востока и Испании, а также набирающей силу ереси катаров, создает новый идеал отношений между полами. Он возникает на основе расцвета культа Девы Марии, пронизанного верой в то, что мать Христа искупила грех Евы, а также переосмысления образа Марии Магдалины, личность которой наделяется аристократическими чертами. Одновременно начинается реабилитация человеческого тела. Еще папа Григорий Великий называл его «омерзительным одеянием души», а король Людовик Святой говорил: «Когда человек умирает, он излечивается от проказы, каковой является его тело» [1; с. 330]. Но то, что принижалось аскетическим христианством, прославлялось воинственным рыцарством, гордившимся сильными и красивыми телами своих героев и героинь.

В это время, совпавшее с эпохой крестовых походов, улучшилось положение знатных женщин в Европе, особенно на юге Франции и в Италии. Жены графов, баронов и рыцарей, годами воевавших в Святой земле, на время отсутствия мужей становились хозяйками их замков. Менестрели, трубадуры и миннезингеры, странствовавшие по дорогам и зарабатывавшие на жизнь сказаниями и песнями, не могли не учитывать запросы тех, от кого зависели их награда, угощение и защита. Даже если не связывать переход от героических поэм, в которых женщины играют малозаметную роль, к куртуазным романам, где они поднимаются на недостижимую высоту, исключительно с желанием поэтов угодить знатным дамам, нельзя отрицать важную роль женщин в появлении новой литературы. Вполне возможно, что знаменитая Элеонора Аквитанская была той Дамой, которой посвятил свои кансоны Бертран де Борн, и достоверно известно, что роман Кретьена де Труа «Рыцарь телеги, или Ланселот» был инспирирован графиней Марии Шампанской. Как бы то ни было, именно в песнях трубадуров и куртуазных романах миру был явлен романтический идеал рыцарской любви.

В соответствии с этим идеалом, рыцарь провозглашается слугой Прекрасной дамы, влюбленность в нее становится для него обязанностью, а умение слагать стихи в ее честь – одной из семи добродетелей. Любовь рыцаря должна быть верной, способной преодолевать трудные испытания, встречные соблазны и долгую разлуку. В идеале она имела платонический характер: наградой за служение была улыбка возлюбленной или возможность

коснуться края ее платья, а высшей радостью поцелуй, которым она удостоивала рыцаря, – хотя даже в рыцарских романах влюбленные нередко находят счастье в обладании друг другом. Возвышенное отношение к Даме сердца в какой-то мере переносилось и на других женщин, которым рыцарь должен был предлагать свои услуги, оказывать покровительство, защищать от любой напасти. Однако такие обязательства налагались на рыцаря в его отношениях с дамами своего сословия – аристократками и дворянками, в то время как с мещанками и крестьянками он мог не церемониться.

В куртуазной, галантной любви, которая предписывалась рыцарю, нельзя не обнаружить игровое начало. Не случайно в рыцарской среде были так популярны турниры и суды, где влюбленные доказывали подлинность своего чувства, проходя через различные состязания, в которых нередко участвовали и женщины, и разбор их поведения в соответствии с правилами «науки любви». Игровой элемент вносил приятное разнообразие в жизнь сословия, в котором помолвки и браки заключались не на небесах, а по воле родителей. «Для идеала любви, – пишет Й. Хёйзинга, – прекрасного вымысла о верности, жертвенности не было места в трезвых материальных соображениях, касавшихся брака, в особенности брака аристократического. Этот идеал можно было переживать лишь в образах волшебной, одухотворенной игры. Турнир предлагал игру в романтическую любовь в ее героической форме. Пастораль облекала любовь в форму идиллии» [6; 138].

При переходе от идеала к реальности оказывалось, что любовные чувства между мужчинами и женщинами не воспринимались в рыцарской среде как нравственное основание или необходимое условие заключения брака. Поэтому не следует удивляться, что среди множества инвектив в адрес рыцарей со стороны современников – разбой на дорогах, нарушение клятв, несоблюдение правил на поединках, жестокое обращение с пленными и т.д., – нередко встречается обвинение в том, что они поколачивали своих жен. Практика домашнего рукоприкладства была столь широко распространена, что ее не считали нужным скрывать даже авторы героических поэм. Так в «Песни о Нибелунгах» идеальный рыцарь Зигфрид совершенно уверен в том, что «обязанность мужчины – укоротить супруге язык не в меру длинный», а его жена Кримхильда без осуждения мужа признается, что ее «разгневанный супруг безжалостно побил» (862, 1-2; 894, 4). Как же мог сочетаться культ Прекрасной дамы с избиением своей жены? В этом не было противоречия, так как Прекрасная дама и жена рыцаря были двумя разными женщинами.

Известно, что Прекрасной дамой, как правило, становилась женщина, занимавшая в обществе более высокое положение, чем влюбленный в нее

рыцарь, нередко жена его сеньора. Истории, в которых рыцарь влюбляется в жену собственного господина, отвечающую ему взаимностью, были очень популярны в рыцарской литературе. Так можно вспомнить знаменитые «любовные треугольники», которые образовали Тристан, Изольда и король Марк, или Ланселот, Гвиневра и король Артур. Хотя симпатии рассказчика и слушателей неизменно были на стороне влюбленных, к изменам своих жен рыцари относились крайне неодобрительно, подвергая их жестоким казням. При этом общественное мнение не возбуждало мужчинам иметь любовные связи на стороне. Поэтому трудно не согласиться с оценкой английской исследовательницы М. Гривс, которая определила роль мужчины-рыцаря в отношениях между полами, как «слуга в любви, господин в браке» [7].

Конечно, правы те ученые, которые констатируют как очевидность, что «куртуазная любовь была антиматримониальна» [1; с. 328], что она являлась силой, не скрепляющей брак, а его разрушающей. Но она же создала первый идеал романтической любви в истории, окрашенный в яркие цвета бурных эмоций. От любовных страстей рыцари в романах бледнели, дышали так бурно, что лопались звенья их кольчуги, лишались ума, а их возлюбленные – худели, уходили в монастырь или прощались с жизнью. При всей условности идеала рыцарской любви, оторванного от реальной жизни, он имел большое значение для воспитания личности. На смену эротической культуры античности с ее культом любви к красивым юношам, пришла эротическая культура высокого средневековья с культом любви к прекрасной женщине. И это было достижение поистине исторического масштаба!

Любовь у крестьянства

«Любовь – занятие праздных», – говорили еще в древности. Развитие эротической культуры, обогащение телесной и душевной, моральной и эстетической сторон любовного чувства предполагает наличие свободного времени. Тяжелые условия существования, утомительный физический труд, патриархальность отношений оставляют мало возможностей для постижения «науки страсти нежной». Положение крестьян еще более отягощалось их крепостной зависимостью от дворян, которые, по словам русского ученого С.С. Шашкова «смотрели на брак простонародья, как на случку лошадей и собак, полезную для них произведением на свет потомства» [2; с. 91]. В Европе феодалы пользовались правом «первой ночи», позволявшим им проводить брачную ночь с невестой зависимого крестьянина или получить от него «брачный выкуп». В России помещики не имели «законной» власти над

новобрачной, но полное бесправие крепостных делало крестьянок, по сути, беззащитными перед домогательствами их хозяев.

В брачные отношения крестьяне вступали по воле их родителей, исходивших преимущественно из хозяйственных соображений, причем часто практиковались ранние браки, когда молодые, будучи еще подростками, не были готовы к совместной жизни ни физически, ни духовно. Отношения между полами отличались грубостью, мужья часто били своих жен, что было укоренено в качестве обычая. Супружеские измены осуждались (особенно измена жены мужу), но в больших семьях их главы нередко принуждали своих младших снох к сожителству, что в России получило название «снохачество», широкое распространение которого отмечали И.С. Тургенев, Н.С. Лесков, В. Д. Набоков. В крестьянском «мире», для которого семья была ячейкой общины, а брак – орудием деторождения, было мало простора для развития любовного чувства. Суть брачно-семейной жизни виделась членам сельской общины, прежде всего, в исполнении долга перед ней, и лишь потом в обретении любви («стерпится – слюбится»).

Но признание того, что долг перед общиной ставился выше любовной страсти, не означает, что крестьяне были неспособны к индивидуальной любви. Вывод Н.М. Карамзина – «И крестьянки любить умеют» – из его повести «Бедная Лиза» в свое время поразил дворянскую Россию своей жизненной правдой. Крестьянство внесло в историю любви высокое чувство долга, сознание ответственности за судьбу супруга и детей, в чем была особая заслуга женщин из этой среды. А борьба крестьян за отмену права «первой ночи», которая велась в европейских странах, стала одним из импульсов к формированию чувства достоинства у «третьего сословия».

Таким образом, средневековье вошло в историю любви как эпоха становления этого чувства как гармонии половой страсти и духовного союза, за которым признается большое воспитательное значение для личности мужчин и женщин. Однако любовь в это время еще не воспринималась ни как нравственная основа, ни как необходимое условие брака. Более того, религиозная экзальтация, присущая средневековому обществу, выражалась в появлении не только рыцарских романов, где женщина прославлялась как Прекрасная дама, но и трактатов наподобие «Молота ведьм», в которых она обличалась в качестве носительницы ереси и колдовства и служанки дьявола.

Литература:

1. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
2. Сосновский А.В. Лики любви (Очерки истории половой морали). – М.: Знание, 1992. – 208 с.
3. Григорий Турский. История франков. – М.: Наука, 1987. – 464 с.
4. Бартольд В.В. Ислам и культура мусульманства. – М.: МГТУ, 1992. – 144 с.
5. Оссовска М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали. – М.: Прогресс, 1987. – 528 с.
6. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. – М.: Наука, 1988. – 540 с.
7. Greaves M. The Blazon of Honour: Studies in Mediaeval and Renaissance Magnanimity. – London: Methuen, 1964. – Pp. 142.